

Сергей Носов

ФИРС
ФОРТИНБРАС

РОМАН

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Упоминание в тексте некоторых героев Шекспира, Чехова и Ионеско – единственное, что свидетельствует об объективности этого повествования.

Остальные персонажи (равно события) изобретены воображением автора.

Любые совпадения случайны.

1

...Последний раз я играл на сцене в спектакле Клары Келлер – в «Стульях», по Ионеско. Клара мне не доверила главную роль, но грех жаловаться, моя роль была исключительно выразительной. Ничего более выразительного у меня никогда не было. Я играл глухонемого оратора, который появляется в самом конце спектакля, с тем чтобы произнести речь, и не может выдать из себя ни одного слова. Я мычал, тарашил глаза, отчаянно жестикулировал, выражал всем существом метафизический ужас перед своей немотой и глупостью публики, не способной понять моего мычания. Им было смешно. Не уверен, что смешно должно было быть – настолько. Вероятно, я переусердствовал по части клоунады. После восьмиминутного выступления я был выжат, как лайм для коктейля. Как лимон. Я хотел сказать: как лимон. «Как лайм для коктейля...» В общем, был как лимон. Был как губка. Как тряпка.

Мы сыграли «Стулья» несколько раз, даже отметились на закрытом фестивале в Обнинске, где нам вручили статуэтку с изображением «мирного атома».

В ноябре с отъездом Клары Марковны спектакль распался. Больше не было у меня ролей, если не считать Деда Мороза на детской ёлке. Уже несколько лет длился массовый исход «из профессии». Дипломированные актёры шли, как им думалось, в бизнес, в бебиситтеры, в шофера́ – особенно молодые. Миша Мужикян уехал в Смоленскую область строить часовни; Лисюк ушла в монастырь. Многие укатили за границу, очень многие. Вот и Кларочка Келлер, отчебучившая постановку «Стульев», пребывает в Испании. Некоторые и вовсе исчезли, как тогда ни за что ни про что пропадали без вести люди. Был и нет человека. Ну и смертность опять же. Кто спился, кто сел на иглу, кому съездили по виску арматурой... Посмотреть на афиши, театр переживал расцвет. Может, так и было отчасти. Грандиозные проекты находили себе финансистов. Финансисты находили проекты. Лично мне ничего не светило, как и многим другим, склонным... к чему?.. А не важно. Ни к чему не склонным. Случайным заработком перебиваясь, я готов был считать себя тоже «ушедшим», просто примыкал к движению запоздало...

Но как в том анекдоте («а как быть с убеждениями?») – как быть с мастерством?..

Тем более что март наступал, грозя весенним обострением...

Позвонил Кирилл, не слышал которого больше года:

– Кит, ты живой?.. Ты в форме?.. Слушай, тут вот что, тут такое дело, хочешь сняться в сериале?..

Неплохой вопрос. Вернее, три неплохих вопроса. Пока я соображал, с какого начать отвечать, он приступил к изложению сути:

– Сериал! Меня просили порекомендовать актёра на роль, я тебя предложил, роль не самая главная, хорошо, что дома застал, ну заработаешь денежку, я всю тут снимаюсь...

Явно звонил из помещения, не с улицы; голос его, подчёркнуто энергичный, захлёбывался в гуле других голосов, мне даже показалось в первый момент, что это актёрская имитация фона, когда, как иногда практикуют на сцене, каждый вслух произносит домашний адрес или «говори, да не заговаривайся», а публике слышится неразборчивый шум.

Я спросил, как сериал называется. Мне безразлично было, как называется, но надо было что-нибудь спросить. Я бы согласился в любом случае, на любых условиях. Денег не было. Сериалы тогда в России практически не снимались, актёры вроде меня были совсем не востребованы. Привередничать у меня и мысли не было. Ясно дело: подарок судьбы, если не розыгрыш.

– Название засекречено, не телефонный разговор, Кит. Зачем тебе лишнее знать?!. Я продюсера даю...

Зазвучал почтенных лет человека бархатный голос:

– Никитушка, меня Роман Буткевич зовут, очень мы вас, понимаете ли, снять хотим. Проект у нас потрясающий, высокохудожественный. Имя ваше на всю страну прозвучит. Деньги сразу плачу, в день съёмки.

Я был польщён. Он знал меня. Знал и ценил. Как актёра.

Он меня знал, а я его нет. Нет: я не знал его, а он меня знал – вот главное что.

Спросил, стараясь не выдать нетерпение голосом:

– Без проб?

– Без чего? – не расслышал продюсер. Но, надо думать, сам догадался: – Никаких проб! Мы не пробуем. Приступайте, и дело с концом.

– Я согласен. Когда начинаем? – спросил я по деловому.

– Уже всё начато, Никита. Начато и продолжится. Мы снимаем на квартире Хунглингера. Берите такси и быстро к нам. – Он назвал улицу, дом и номер квартиры неведомого мне Хунглингера. – За такси я плачу.

Ничего себе, подумал я, прямо сейчас!

– А что за роль?

– Роль?.. Очень хорошая роль, хорошая роль. Вы когда приедете?

– Ну, я не знаю, так всё внезапно... мне надо шею помыть, причесаться, ботинки почистить...

Понял ли он, что шучу? Я не уверен.

– Здесь помоете! Здесь ванна, шампунь! На вас одежда какая?

– А какую надо?

– Сейчас автора спрошу, не вешайте трубку...

Он ушёл куда-то, никого долго не было в трубке, минуты три-четыре. Я ждал с нетерпением. «Автор» – странное слово. Или – ослышался? Он «автор» сказал? Странно, что пошёл «автора» спрашивать, а не художника, не костюмера. Есть ли у них костюмер? И кстати, есть ли костюмы? Что же это за сериал, если нету костюмов? Порнографический, что ли?

Наконец раздался женский голос, хрипловатый:

– Здравствуйте, Никита, я Марьяна, я на вас эпизод пишу.

– Очень приятно, – ответил я.

– Я вас слушаю, – сказала Марьяна.

– Это я вас слушаю, – сказал я.

Марьяна пропала. Я подождал немного и услышал голос Кирилла:

– Тут сумасшедший дом. Я продюсера даю.

– Никитушка, – вновь услышал я голос Буткевича, – ну так мы вас ждём, выезжайте. Вы когда приедете?

Ехать необходимости не было, от меня пешим ходом двадцать минут. Я сказал:

– Через полчаса. Устроит?

- Отлично! Ждём!
  - А с одеждой что?
  - А что с одеждой?
  - Вы спрашивали, во что я одет.
  - Ну, вы что-нибудь наденьте подемократичнее.
- Ну, джинсы какие-нибудь, ну сами подумайте...
Только в шортах не надо...

Через пять минут я уже спускался по лестнице. Когда вышел на улицу, дал команду себе: не торопись! Шаг замедлил, не надо спешить. На меня эпизод... вот пока я иду, так она там и пишет?.. прямо сейчас?.. Хорошо, ладно, пусть... Я давно не играл. Чтобы в форму себя возвратить, повторял в плане тренинга жизнеславное, образцовое – монолог о том, что гордо звучит оно, че-ло-век (с этим номером я поступал в театральный...).

Когда можешь много по памяти, в мозгу само образуется – особенно во время ходьбы: идёшь, и думать не надо. Что-то меня, наверное, отвлекло, я и не заметил, как очнулся во мне глухонемой оратор – активировалась последняя, хотя и давняя роль: я мысленно замычал.

Дверь в квартиру была открыта. Да уж, квартирка Хунглингера ещё та была, просторная, на потолке лепнина, в прихожей люстра в стиле модерн. Двери парные, высокие – настежь распахнуты в комнаты. Из комнаты справа теплом веет, так там воздух нагрет софитами, – когда я приблизился к дверному проёму, их как раз выключали; вероятно, только что закончили снимать эпизод. Сказать, что толпа

здесь была, было бы чересчур сильно; народ присутствовал. Каждый занят был чем-нибудь; я застал, несомненно, активности всплеск – минуту назад здесь ещё все, кроме актёров, таились, блюдя тишину. Актёров я сразу узнал. За старинным дубовым столом грузно сидел Мих Тих, как мы студентами называли достопочтенного Михаила Тихоновича, нашу живую городскую достопримечательность, – представитель старой актёрской школы вытирал платком лоб с видом серьёзного человека, решившегося на самоиронию. Магде Заломовой, одетой почему-то в лыжный костюм, очевидно, полагалось играть жену хозяина дома; сейчас она что-то весело говорила Кириллу, наверняка «сыну» (здесь я немного ошибся – Кирилл был институтским товарищем «дочки»). По фигурному паркету повезли со скрипом софит-светильник.

Меня увидел Кирилл.

– Роман Михайлович! – показал ему рукой на меня.

Крепко сбитый мужчина в годах, седовласый, с пролысиной, вынырнул из-за двери. Протянул руку мне:

– Никитушка, вот вы какой, я вас не таким представлял...

Он меня представлял! А я-то думал, он с моими работами знаком, видел меня в игре. Меня вслепую пригласили, по Кирилловой рекомендации. Просто не дозвонились ни до кого, а я подвернулся. Может быть, потому что жил близко.

Ну и хрен с вами. Должно ли меня это заботить?
– Гениально сцену отсняли, – поделился радостью Буткевич. – Осталось только с тобой, и больше не будем сегодня.

Выходили в прихожую.

– Юра – режиссёр, Константин – оператор, Вика, Слава, – знакомил Роман Михайлович, – Татьяна Матвеевна – гримёр, сейчас она тебя быстро оформит, извини, я актёров отпускаю...

Он отправился назад в комнату, обернулся:

– На кухне бутерброды, чай, кофе, пойдешь подкрепишься.

Я успел заметить два конверта в его руке, один – Мих Тиху протягивал, другой – Магде.

Из комнаты в комнату переносили красного дерева этажерку, я посторонился; Юра-режиссёр сделал шаг ко мне: читал ли я сценарий?

– Я даже не знаю, о чём кино.

– В целом о жизни, – сказал режиссёр. – Мы начали недавно. Третью серию завершаем. На ходу корректируем. Ещё два часа назад вас в зародыше не наблюдалось.

– В зародыше не наблюдалось? Меня?

– Я хотел сказать, мы вас придумали только что, час назад где-то... И то в общих чертах. – Он отдернул портьеру в комнату слева: – Наш автор.

«Авторесса», – подумал я.

Похоже, её тут все автором называют.

Автор Марьяна, молодая, уж точно моложе меня, сидела в комнате за портьерой, маленькая

как мышка, в кресле с ногами, перед ней на столе был дисплей.

– Марьяна, твой персонаж, – тоном заботливой бабушки произнёс режиссёр, словно принёс тарелку черешни внучке, пишущей сочинение.

Марьяна кивнула, дав понять, что услышала, но обратить лицо в нашу сторону не сочла нужным.

– Получается?

– Принтер не работает, – хрипло произнесла Марьяна.

– Роман! – закричал Юра. – Принтер не работает! А всё готово уже!

– Почему принтер не работает? – Продюсер Роман появился в прихожей. – Что за бардак? Лёша! Где Лёша?

Лёша (стало быть, он) – недрогнувшим голосом:

– Чё, принтер-то? Он не наш, принтер-то. Он не обязан работать.

– Как не обязан? Твоя работа, чтобы всё здесь работало!

Оказалось, что в картридже нет чернил. Компьютер принадлежал хозяину дома. Хозяина дома дома не было. Я спросил: «“Пентиум”? Сто мегагерц?» – «Сто тридцать три», – сказал мне режиссёр Юра. В то время мы все начинали бредить компьютерами. Я сам мечтал о таком. О «Пентиуме». У меня вообще компьютера не было.

Роман распорядился: пусть Лёша, гримёр Татьяна Матвеевна и девочка Оля (помреж?) возьмут по листу бумаги и перепишут красивым почерком

текст Марьяны прямо с экрана. Никто и не думал роптать. Автор Марьяна, уступив место за столом, отошла к окну и с ногами забралась на широкий подоконник, там и курила, глядя во двор. А те переписывали.

Я вышел из комнаты. Вообще-то мне внимание безразлично, есть оно или нет, но, когда не обращают, я вижу, что не обращают, только и всего; ну такая профессия у нас, быть в центре внимания, ничего не попишешь, и не важно, что я едва не ушёл из неё. (Из профессии – если вдруг не понятно.)

Техническая пауза затянулась. Я угощался бутербродами на кухне. Настя Бережкова рассказывала мне о своих бракоразводных делах. Каждый раз, отправив печенину в рот, она стряхивала крошки с пальцев, делая ими так, словно намекала на деньги. Не ожидал её встретить здесь. Встретив, изрёк: «Лучшие люди» (входя). И она меня, когда я вошёл на кухню, приветствовала чем-то подобным.

Теперь Настя – подруга Кирилла.

– А я кто?

– Скоро узнаем.

Принесли переписанное. Нам с Настей дали по экземпляру, третий получил режиссёр Юра.

Роман, уже прочитавший текст с экрана, расточался теперь в комплиментах таланту автора:

– Какой диалог! Какая естественность! Как в жизни! Блеск! Марьяна, иди сюда, автор ты наш несравненный!.. Где ты прячешься?

Нехотя Марьяна вошла, села на табуретку возле раковины. Лицо сомнамбулы. Несколько веснушек на носу. Ноль эмоций.

– Наше сокровище. Наш вундеркинд. (Это мне говорится.)

– Роман, я просила вас не называть меня вундеркиндом.

– Прости, забылся. С высоты своего возраста – исключительно с высоты... Всё, всё, больше не буду. Напишешь четвёртую к понедельнику?

– Если не сдохну, – ответила Марьяна.

Я читал. Действительно было «как в жизни»: некто Никита (это я) звонил в дверь, потом недолго разговаривал с Настей, мрачно шутил на тему «не ждали», каламбурил и, войдя в прихожую, сообщал, что обувь снимать не будет.

– У нас принцип, – сказал продюсер. – Все персонажи с именами актёров. Чтоб не запутаться.

Я не возражал, я спросил, кого мне играть.

– Играйте себя, – сказал режиссёр. – С учётом, что это конец серии. Представьте, что вы пришли смотреть квартиру. Не исключено, вы аферист.

– Не исключено? Так я аферист или нет?

– В следующей серии выяснится. Автор напишет к понедельнику.

Я понял: автор Марьяна сама не знала, кто я и зачем я пришёл. Похоже, никто не знал. Удивительно, но сейчас это никого, кроме меня, не интересовало – зачем я пришёл. Ни продюсера, ни режиссёра, ни даже Настю, которой предстояло,

между прочим, дверь мне открыть и произнести многообещающее: «Вы из Анапы?»

– Допустим, к понедельнику автор напишет, но мне надо сейчас знать, аферист я или не аферист. Кого мне играть?

– Я же сказал, себя играйте.

– Так ведь я не аферист, если речь обо мне...

– Какой зануда, однако! – воскликнул продюсер.

– Это конец серии, должна быть нотка тревожная, – сказал режиссёр.

– А может, так: я – Фортинбрас?

Меня не поняли.

– Играйте афериста, – сказал продюсер.

– Инфернального афериста, – уточнил режиссёр и сделал рукой таинственный пасс.

Продюсер Буткевич объяснял мне, как маленькому:

– Ваш главный выход – в четвёртой серии. Там что-нибудь и случится, связанное с вами. А пока вы только пришли. Пришли и пришли. Конец серии.

Нет, мне не хватало определённости. Я бы предпочёл, чтобы объяснила мне автор.

– Может, вы намекнёте в самых общих чертах, что может случиться, связанное со мной, в четвёртой серии...

Автор Марьяна мне не ответила. Ответил Буткевич. Он сказал:

– Вы умрёте. И это главное.

– Так скоро? – Я был разочарован.

– Умрёте, в этой же квартире. В четвёртой серии. Не печальтесь, эта история не про вас. Так что не важно по большому счёту, аферист вы или не аферист.

Что-то было обидное в его словах. Чувствовал себя лохом. Даже не заикнулся о зарплате – меня поманили, а я и примчался, как мальчик.

– А зачем?

И тут вмешалась Марьяна:

– Глупый вставной номер. Мне это не нравится, Роман. Очень не нравится. Мы же договаривались, я должна расписаться, чтобы всё само собой покатилося, умирать начнут с пятой серии. С пятой!

– Феликс хочет с четвёртой, – тихо ответил продюсер.

– Он обещал не вмешиваться до пятой!

– Он и не вмешивается, он просто хочет, чтобы первая смерть была в четвёртой. Не важно чья.

– Раньше он не говорил про четвёртую... Он говорил о пятой! Убедите его, чтобы первая смерть в пятой была.

– Марьяна, зачем же мы тогда сегодня его пригласили? – спросил режиссёр («его» – это, значит, меня: зачем меня пригласили?). – Надо было его в четвёртую пригласить... В пятой бы и угробили.

– Я никого не приглашала, это всё Роман придумал.

– Вот так: чуть что, сразу Роман, – произнёс Роман Михайлович неправдоподобно обидчивым

тоном; он опустил на корточки перед Марьяной. – Мы тебя ценим и любим, а ты не знаю что говоришь, – смотрел ей в глаза снизу вверх. – В чём проблема? Нет никакой проблемы!.. Ты же написала уже, как он появляется... Теперь отдохнёшь и напишешь, как он... ну... бух на ковёр... Мы так не умеем, как ты, а у тебя гениально получится!.. Марьяночка, правда?

Он взял её руку и по-театральному поцеловал.

Автор Марьяна не шевельнулась.

– Хочешь, Юра на колени встанет?

– Нет, Рома, подожди, – Юра сказал, – давай побережём мои колени для более критической ситуации.

Замолчали. На лице Марьяны – ни тени улыбки. Стоп-кадр. Я взглянул на Настю: что это значит? Настя отрешённо глядела на сахарницу. Может, это у них было и в порядке вещей, но мне стало неловко; так или иначе разговор касался меня. Слышно было, как устанавливают софиты на лестничной площадке. Я спросил:

– Меня убьют?

– Инфаркт миокарда... – небрежно произнёс продюсер.

Он царापнул меня холодным взглядом и пробормотал в сторону:

– Вследствие спазма артерии. На фоне стенокардии.

Пришёл оператор, сказал, что пора. Все поднялись, кроме Марьяны, автора. Она одна осталась на кухне.

Ничего, ничего. Я сыграл им «инфернального афериста» – без роду без племени – неизвестно кого, неизвестно откуда. Нотка, думаю, получилась даже очень тревожной. Настя изобразила лёгкий испуг.

Только выключили камеру, Буткевич отвёл меня в сторону. Достал из бумажника пятьдесят долларов (без конверта); я взял. По тем временам это был приличный гонорар – для нашего города (и для нашей профессии). Я, конечно, предполагал возможность пятидесяти, но должен сознаться, реально рассчитывал на меньшее. Я и двадцатке был бы рад. Роман Михайлович посмотрел на меня пристально, сказал: «Вы нам понравились, не обессудьте», – и достал ещё пятьдесят – из кармана брюк.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА